

Сожаление

Понедельник. Вторник. Шестое. Седьмое. Август.
Пuls к утру прерывист. Мысли острее и суше.
Так ветшал бы тихо ветхозаветный Фауст —
Все идет к зиме. И никто не придет по душу.

Все идет к зиме. Так исподволь, понемногу,
Сходит наземь небо сумеречною плеврой.
И, качнувшись, сводит мыслимое к итогу:
Прожил жизнь. Сохранил себя. Не создал шедевра.

Уберег себя от скверны, греха и порчи,
Не творил запоем, не назывался первым,
Не терял, не завидовал и не смотрел на прочих.
Не создал шедевра. То есть — не стал шедевром.

И придет зима, и кажется, умирать он
Мог бы праведно и неслышно по всем приметам.
Но лежит душа на дне драгоценным платьем —
Безупречным, любимым, праздничным.
Не надетым.

Внутренний редактор

Он с брезгливой точностью, будто бы давит блох,
Тычет костлявым пальцем в страницу черновика:
Первый катрен неплох, и последний не так уж плох,
Но между ними — полная чепуха.

Вроде молчит, но во взгляде желчно кипит слюда:
Жидко, мол, пишешь, не надрывая жил.

Все-таки первый катрен — хорош, и последний —
туда-сюда,

А остальное возьми и перепиши.

Прав. Безнадежно и беспощадно, как ни вой.
Он точно знает, однажды наступит день,
Когда эту рукопись — никчемную, но мою —
Оценит последний, он же единственный, рецензент.

Кто-то один, последний: редактор, Бог,
Полный тоски, сострадания и любви, —
Скажет: прекрасны твой первый крик и последний вздох.
А остальное иди и переживи.